

ПРАВОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА И ИХ ОТСУТСТВУЮЩИЕ ЦИФРОВЫЕ ГРАНИЦЫ¹

Зассин Вольфганг,
доктор технических наук,
Мюнхенский технический университет,
Германия, 80333, Мюнхен, Арциштрассе, 21
wolfgang@sassin.at

Аннотация

Массовая миграция, свидетелями которой в последние годы мы являемся, превратилась в серьезный общественно-политический вызов для развитых стран Запада, и не только для них. Миграционные процессы начала XXI в. фундаментально отличаются от таковых, имевших место в прошлом. Сегодня мигранты сталкиваются с необходимостью культурной трансформации, которую они не в состоянии пройти в течение одного поколения. Современная миграция ведет к уплотнению жизненного пространства в мегагородах, в сумме представляющих собой эквивалент искусственной планеты. Эта новая планета, однако, не может предоставить ни новых ресурсов, ни дополнительных свободных пространств, пригодных для общего материального роста. Напротив, реалии этой планеты принуждают к резким ограничениям самых разнообразных потребностей людей и весьма ощутимому ограничению их прав и свобод. Без строгого разграничения в целом сокращающихся пространств, а также без ограничения стремительно развивающихся всевозможных видов связи внутри и между этими мегацентрами невозможно избежать серьезного риска для стабильности и жизнеспособности последних.

Целью данной статьи является анализ того, возможно ли создать эффективные цифровые границы, без которых создание для этой искусственной новой планеты адекватных правовых пространств представляется едва ли возможным.

Ключевые слова: глобализация, дигитализация, естественные свободные пространства, массовая миграция, правовые пространства, цифровые границы.

Библиографическое описание для цитирования:

Зассин В. Правовые пространства и их отсутствующие цифровые границы // Идеи и идеалы. – 2018. – № 4, т. 1. – С. 11–25. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-11-25.

¹ Перевод с немецкого А.А. Гнеся.

Дигитализация, глобализация и ограничение «естественных свободных пространств»

Массовая миграция, свидетелями которой в последние годы мы являемся, превратилась в серьезный общественно-политический вызов для развитых стран Запада, и не только для них. В современных странах первого мира положение мигрантов во многих отношениях напоминает опыт народов, ставших бесправными и даже рабами в эпоху великих географических открытий (которая, с точки зрения западного человека, обычно рассматривается как положительное явление). Тогда европейцы-эмигранты, следуя идеям своей великой миссии и применяя самую совершенную на тот момент технику, предприняли освоение Нового Света. Единственным настоящим отличием сегодняшней ситуации от эмиграции в Новый Свет является то, что современные иммигранты вместо более совершенного оружия используют просьбы о помощи на основе христианского принципа: *Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, сделайте и Мне...*

В ходе политических дискуссий на тему о том, каким образом Запад может справиться с этим историческим вызовом, ломаются устоявшиеся политические коалиции. В результате мы являемся свидетелями сюрпризов на выборах. Политические потрясения происходят не только в Европе, они достигли и классической страны иммигрантов – США. События 2015 г. показали, что контроль на границах Евросоюза не просто несовершенен. Если детально оценить ситуацию, мы видим, что политические конфликты, вызванные хаотичным притоком мигрантов, имеют причинную связь с «желанной» экономической глобализацией. Это усложняет как оценку дальнейшего усиления миграционного давления, так и разработку непротиворечивой концепции упорядочения безграничного «обмена» товарами, услугами, правилами и, наконец, людьми, и не только упорядочения, но и его ограничения. При этом следует иметь в виду, что обмен этот меняет как истоки, так и «стоки», причем коренным образом.

Очевидно, что зенит экономической эффективности глобализации уже позади, но экономисты не успели еще это осознать. Они принимают во внимание лишь те процессы, которые могут быть оценены через рынки. Рост экономики определяется комбинацией различных факторов, таких как разделение труда, освоение относительно легкодоступных ресурсов, уплотнение в пространстве, использование эффекта масштабирования, унификация норм и применение всё более сложной техники. Получаемый результат, однако, не может быть оценен исключительно в денежных единицах. Можно рассчитать прибыль, но в контексте экономических наук принципиально не поддаются осмыслению изменения в природной среде

(например, последствия изменения климата или исчерпание природных ресурсов). Не учитывается амортизация стареющих инвестиций, будь то стоимость капитала, используемого на производственные цели, или интеллектуальный капитал людей. Поэтому не удивляет тот факт, что политика в такой неясной (точнее, неосмысленной) ситуации не может помочь обществу, находящемуся в состоянии доселе невиданной трансформации, протекающей с невиданной скоростью.

Близорукая политика, нацеленная на устранение симптомов, задействует огромные ресурсы. Это относится к тем политическим решениям, которые предполагается демократически узаконить. Перераспределение прибыли и убытков от стремительно меняющейся структуры производства и потребления, поддержание социального государства со всеми его учреждениями и увеличивающимся количеством государственных рабочих мест приводят к росту затрат, которые, как и расходы на ликвидацию аварий или спасение окружающей среды, рассматриваются как положительный вклад в развитие экономики.

Проблемы, возникшие в результате «развития» обществ, ведущего к хаосу и росту насилия в государствах и регионах, усугубляются стремительным развитием дигитализации. Усиливается расхождение между реальностью и господствующими социально-экономическими теориями, и катализатором этого расхождения на этот раз является цифровая обработка информации и связанная с ней цифровая коммуникация. Результаты этого процесса по скорости структурных изменений обществ, блуждающих в потемках, затмевают собой последствия всех индустриальных революций прошлого. Всё более вероятной становится новая социальная революция молодых «сторонников прогресса», которые аналогично Марксу, Ленину и Мао могут привести к драматическим последствиям.

В 2016 г. в меморандуме «Сохранение национальных правовых пространств» нами был представлен проект технической организации границ в цифровом пространстве. Представленные в проекте положения, в том числе о юридической сути некоторых понятий (лицо, имеющее право на политическое убежище, экономический беженец, миграция квалифицированных рабочих, компенсация демографического дефицита), позволяют сделать следующий вывод. Миграционный процесс не подчиняется законам национальных государств или международным конвенциям, поскольку эти законы и конвенции имеют отношение к правам отдельно взятого индивидуума, а не к массовым явлениям. Но миграционный процесс фундаментально отличается и от массового обмена товарами и услугами, поскольку в последнем случае процесс регулируется таможенными правилами, техническими нормами, финансовыми рынками и рейтинговыми агентствами.

Вообще *экономическая* глобализация не нацелена на свободу перемещения отдельного человека. В гораздо большей степени она служит цели создания наднациональных технических условий жизни, глобальной инфраструктуры процессов, типичных для массового производства и массового обеспечения. В демографическом смысле данная ситуация по сути не сильно отличается от технологий животноводства. Это очень нелегко признать.

Миграция неизменно рассматривалась как одно из важнейших «естественных» прав человека в контексте обмена убеждениями, знаниями, доступа к «свободной окружающей среде» и т. п. Изначально это естественное право имело отношение к физическим и чувственным возможностям человека, т. е. к его функционированию в природной среде с учетом возможностей зрения, слуха и двигательной моторики. В результате развития технологических приемов человек осознал пределы свободы своих действий, хотя техника позволила расширить естественные горизонты человеческого восприятия.

Человек не выпускает стрелу, не видя цели. Риск нанесения невольного ущерба ограничивает, таким образом, каждый элемент данной природой права на свободу. При этом не только неизвестные риски, но и общественные потребности сильно ограничивают «свободу перемещения и действий», ведь жизненные возможности существенно расширить и обезопасить можно только сообща. Поэтому общества должны ограничивать свободу своих отдельных членов из-за растущих рисков по мере роста численности населения и из-за сложности взаимодействия. Это двойное ограничение того, что мы рассматриваем как основополагающее природное право, как просто свободу, увеличивается нелинейно в ответ на рост численности населения, которое должно сохранять и оберегать основы своей жизни. Здесь следует заметить, что возврат к уровню свободы обществ кочевников и земледельцев для 7,5 млрд человек просто невозможен.

Сегодняшние условия жизни более не являются территориально ограниченными. Они сформированы именно *глобальной городской культурой*, которая на всех континентах практически идентична. Эта современная урбанизированная культура является *принципиально неустойчивой*. Во-первых, человек должен постоянно инвестировать в ее обновление, а значит, речь не идет о *свободной альменде*. Во-вторых, выживание этой культуры зависит от эксплуатации естественных ресурсов, океанов, атмосферы и природных круговоротов веществ, способных лишь ограниченно переработать и амортизировать отходы антропогенной деятельности.

«Миграция» является симптомом, а не причиной серьезных современных проблем, проявляющихся в разных обществах в разных формах. Любые условия жизни, созданные человеком, являются жизненно необходимой собственностью

именно *создателей* этих основ. Глобальная урбанизированная (городская) культура, таким образом, не может быть «принята в собственность» ни путем иммиграции, ни по праву рождения.

В отличие от современной миграции, ранее переселения шли на нетронутые территории, на которых мигранты должны были приспособливаться к разнообразным природным условиям. Расселение человека на планете способствовало приобретению им определенных черт и формированию различных культур. Но на протяжении XX в. по меньшей мере половина представителей *homo sapiens* фактически прибывала на другую планету, на которой они не в состоянии выжить, так как она не соответствует их унаследованным культурным представлениям. Что станет с родом, которому традиционные ценности и священные книги не гарантируют никакого будущего? Очевиден запрет на мыслительную деятельность, особенно для шаманов и проповедников, а также для юристов и философов.

Возникшие во второй половине XX в. во всем мире урбанизированные районы с их миллионами жителей почти не отличаются друг от друга. Они напоминают переполненные ковчеги, тщетно ищущие еще незатопленные или неиспользованные земли. Современные миграционные потоки перемещают людей из сельской местности в уплотненные города, а затем, путем пересечения границ, в «состоятельные» урбанизированные общества. Для этих людей не открываются ни новые цивилизационные горизонты, ни новые ресурсы, как в случае с заселением Нового Света. *Для современных постприродных условий жизни, которые имеют экономическое, а не государственное или культурное происхождение, миграция представляет собой акт частичной экспроприации. С определенного «уровня плотности присутствия мигрантов» миграция становится непреднамеренным, но при этом неизбежным вызовом стабильности, а значит, и самому существованию современной городской культуры.*

Обостряющаяся миграционная проблема является только симптомом экзистенциального вызова для 7,5 млрд людей, живущих на планете Земля. Этот вызов можно назвать *проблемой космического корабля Земля*. Такой образ помогает понять, что «экипаж» – человеческое общество в условиях глобализации – должен приспособливаться к границам, вызванным ростом. Эти границы проводят не изменившийся климат или исчерпанные природные ресурсы, а в первую очередь «соседи по планете», конкурирующие друг с другом за место и ресурсы на основе веры в их мнимые природные права.

Мысль о том, что существующие разнообразные культуры, этические ценности и сложившиеся правовые системы которых могут и должны быть частью единого правового пространства, ставит под сомнение не только все предыдущие представления о праве. Она в первую очередь противоречит принципам межличностного общения, на которых основываются эти представления. «Западные ценности» уходят корнями в

протест *слабых* (крепостных), которые жили надеждой не только лишиться власти, но и поработить *сильных* (предпринимателей, землевладельцев, чиновников). Новое стремление к свободе, возникшее на базе опыта французской революции и попытки порабощения всего континента при Наполеоне, предполагало наличие новых свободных пространств. Возникла потребность в независимости, в разрыве устоявшихся цепочек в интересах самозваной элиты. Иначе никак нельзя объяснить отделение штатов Новой Англии от Британии (1776) и создание американской конституции (1788). То, что «Америка» была моделью для решения проблем XIX в., но не эталоном для века XXI, следует именно из того, что у нас нет *еще одного* Нового Света.

В американской конституции соединены два несоединимых начала: независимость самоопределяющихся общностей и чувство долга их членов. Этот документ символичен, но даже он не является полным каталогом прав человека, принятым ООН. Однако этот каталог не может быть основой устойчивого порядка на «космическом корабле Земля». Его неясные ценности фактически отвергают идею о том, что права проистекают лишь из выполнения обязанностей. Наивная идея о дальнейшем «сближении» рас и народов, основывающаяся на абстрактных гуманистических соображениях, не способствует компенсации побочных эффектов глобального взрыва потребностей человека и стимулируемого ими экономического роста. Скорее напротив. *Когда мы говорим о глобализации человечества, то речь идет именно о следовании утопии, для которой, по крайней мере на данный момент, нет непротиворечивой организационной модели.*

Результаты исследований показывают, что Земля слишком мала для потребностей современного человечества. Проблема не решается фундаментальными изменениями в технике – фундаментально измениться должен сам человек. И самое главное: *истинный вызов заключается не в абсолютной численности людей, которые зависят друг от друга, а в плотности населения в пространстве и времени. Опасность заключается в «плотности» обмена информацией, который не всегда безобиден и должен контролироваться.*

Если бы всё человечество было организовано в виде глобального союза, то это неизбежно привело бы к обществу закрытого типа. В такой системе не может быть вариаций в подборе стандартов производительности и не может быть «рынков», уравнивающих спрос и предложение через ценовые механизмы и, страшно сказать, по умолчанию распределяющих дефицит. Кроме того, в такой закрытой системе общества невозможно воспитать терпимость к разнообразным привычкам, т. е. к тому, что в наши дни считается элементами личной свободы, включая религиозную и культурную свободу, и воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Чтобы разъяснить суть проблем, проистекающих из «гуманной» идеи об интеграции и толерантности, приведем гротескный «пример из жизни».

В сообщениях о ситуации на дорогах можно услышать предупреждения о так называемых «водителях-привидениях» – «левосторонних» водителях, по привычке выехавших на встречную полосу в странах с правосторонним движением. Если бы англичане, японцы или индусы, т. е. люди из стран с левосторонним движением, в целях сохранения своей культурной самобытности настояли на сохранении в стране с правосторонним движением не только своих привычек, но и подсознательных реакций на дороге, «водители-привидения» стали бы нормой. Некоторые могут отметить, что для пешеходов такой разницей в направлении движения допустим. Однако в высокотехнологичном обществе с детальной регламентацией различных элементов жизни, в том числе и дорожного движения, подобная вольность непременно закончилась бы уголовным преследованием и «призраков-пешеходов».

Подобные примеры можно продолжать. Они показывают, что сложность системы принуждает к стандартизации элементов, из которых она состоит. При этом стандартизация тем более всеобъемлющая, чем больше и сложнее сама система. В связи с этим следует отметить, что представителям гуманитарных и социальных, а тем более политических наук следует позаимствовать накопленный опыт естественников.

Ситуация с *космическим кораблем Земля* напоминает положение в осажденной крепости. Без возможности внешней экспансии, вынесения любых проблем «вовне» должны быть резко ограничены свободный обмен товаров и услуг, а также свобода перемещения людей внутри этой крепости, что в конечном счете ведет к введению плановой экономики. В системе такого типа ликвидируются все необходимые виды свобод личности именно во имя всеобщей «социальной справедливости». Скрытая от общественного сознания трансформация в направлении глобальной плановой экономики началась давно (в течение последних 70 лет – под лозунгом развития развивающихся стран) и быстро прогрессирует. Дигитализация и возникшее благодаря ей информационное пространство резко ускорили эту трансформацию. Как и каждое вновь обнаруженное пространство, это «свободное пространство» едва ли имеет пределы и не имеет внутренней структуры.

Образное описание сложившейся ситуации как космического корабля в контексте всё более закрепляющегося представления о *едином человечестве* помогает понять, что проведение эффективно контролируемых границ в информационном пространстве является неотложной задачей. Если этого не будет сделано, то бунт и хаос на космическом корабле продолжат распространяться всё дальше.

Разваливаются не только государства на территориях бывших колоний. Стремления к автономии в Шотландии, Ирландии, на земле басков, в Каталонии, в Восточной Украине, присоединение Крыма к России, Brexit и позиция государств Вышеградской четверки служат подтверждением нестабильности; эти примеры указывают на то, что нельзя исключить вероятность распада ЕС. Важно иметь в виду, что и Советский Союз распался сравнительно недавно. Этот пример интереснее упадка Римской империи и является зловещим предупреждением в контексте всех больших стремлений ЕС.

Цифровые границы являются не просто крайне необходимым средством для ограничения миграции экспроприационного характера. Они обязательны для сохранения научно-технических основ жизни, причем именно с точки зрения «более слабых», поскольку система связи всегда является основой, а также ограничительным фактором в сообществе.

Без границ в физическом пространстве (и параллельно – в пространстве информационном) рынки, являющиеся средством повышения экономической эффективности, теряют свое назначение, поскольку субсидирование (поддержка) более успешными менее успешных неизбежно приводит к перераспределению. Мнимая необходимость перераспределения, прописанная в идеологически обоснованных конституциях, в том числе и в странах капиталистического Запада, искажает роль денег как основного средства управления обществом. Глобальный финансовый кризис начала XXI в. вызвал рост задолженности государств, предприятий и физических лиц. Эта растущая задолженность вытекает из «срастания» экономик с разным уровнем развития. «Выравнивание» таких экономик заставляет финансировать «слабых», т. е. компенсировать отставание отдельных членов или групп. Это делается либо через налоги, которые можно повышать только до определенного уровня, либо через рост государственной задолженности. А вот долги можно неограниченно увеличивать и растягивать во времени как угодно. *Дигитализация и глобализация порождают всё новые и новые денежные программы помощи. Эти программы сравнимы с «преимущественным правом акционера на приобретение новых акций». Это средство, к которому вынуждена прибегать любая плановая экономика и из-за которого она рано или поздно терпит неудачи.*

Исходя из вышесказанного перечислим основополагающие изменения, характерные для плавного перехода от разнообразных естественных жизненных пространств (с соответствующими типами обществ) к универсальным условиям жизни на новой технической основе.

1. Право всегда отстает от ранее возникшей реальности, которую оно стремится упорядочить. *Правовые пространства предполагают существование государств, которые устанавливают автономные права для своих граждан и заключают обязательные соглашения для «своих» субъектов права.*

Международное право применимо либо к территориям, для которых действуют суверенные права государств, либо к регионам, к которым это суверенное право неприменимо, как, например, океаны, Антарктика или околоземное космическое пространство, включая Луну. *Всё находящееся под тонкой корой континентов, как и удаленное от Земли космическое пространство, законом не регулируется. То же самое можно сказать и про недавно образовавшееся цифровое информационное пространство.*

Желание государства распространить свое право на чужую территорию заканчивается захватом и, соответственно, подчинением этой территории военными, экономическими и другими средствами. Процесс подчинения других правовых систем достиг невиданных масштабов в XX в., после образования биполярного мира и оформления сфер влияния США и СССР. *«Объединенные Нации» и инициированный ими каталог прав человека являются результатом попытки двух супердержав обосновать сосуществование их принципиально различных правовых систем, основывающихся на разных представлениях о человеке.* Несмотря на распад Советского Союза и закрепившуюся гегемонию США, Объединенные Нации продолжают закрепление глобального правового режима и благодаря ныне существующей структуре не способны по-настоящему признать факт возникшей многополярности.

2. «Эфир» и распространяющиеся в нем электромагнитные волны позволили впервые создать охватывающую весь мир военную командную структуру. Без эфира не произошла бы Вторая мировая война. Следует признать, что Первая мировая война была по сути «лишь» европейской войной. Но «эфир» как среда распространения для всех видов электромагнитных волн еще до конца не осознан с точки зрения его военного применения, *а с правовой точки зрения остается белым пятном.* К эфиру неприменимо понятие «ограничение вооружений», хотя электромагнитные импульсы позволяют эффективно уничтожать жизненно важные коммуникационные системы. Заметим, что в гражданской сфере в отношении интенсивности высокоэнергетического излучения (рентген- и гамма-излучение) существуют государственные нормы.

3. Уже давно существуют международные договоренности об использовании «полос частот». Но существующие нормы по ограничению напряженности полей электромагнитных волн связаны лишь с их биологическими эффектами (проблематика, аналогичная пункту 2).

4. Распространяемая информация не свободна и никогда свободной не была, поскольку это центральный инструмент власти. С появлением нематериальных носителей информации, в особенности электронной коммуникации, наряду с юридическими ограничениями «информационной свободы» развивались и технические средства, применяемые государствами для защиты от нежелательной информации.

Пока передача информации производилась через государственные учреждения, а последних было не так уж и много, фактически существовала государственная информационная монополия. У государств был контроль как за информационным содержанием, так и за техническими возможностями передачи информации (цензура для прессы, почтовая монополия, государственное радиовещание, управляемые государством генераторы помех, выдача лицензий на частоту и т. д.). С появлением мобильной радиосвязи государства сразу приватизировали *технические* возможности передачи сигнала (аукционы лицензий на сотовую радиосвязь), хотя это, как и полезные ископаемые, является общественной собственностью. *Но суверенитет мобильной радиосвязи потеряли практически все государства. То же самое относится и к Интернету, представляющему уже цифровую технологию и являющемуся глобальной сетью с рядом узлов.*

5. Переход от аналогового к цифровому представлению информации и развитие Интернета привели к тому, что *де факто все государства потеряли контроль над передачей и защитой информации. Возникло в значительной степени непонятное, принципиально новое глобальное информационное пространство, наднациональное по сути, в которое каждому открыт анонимный доступ.*

6. Более глубокую причину потери государственного контроля над информационной структурой следует искать в пока неразвитом понятии *цифрового лица*, являющегося расширением институтов *физического* и *юридического* лица. Это упущение создает экзистенциальные проблемы не только для государств, но для целых цивилизаций, и именно через развитие и использование автономно действующих программ обработки информации. Для них тоже отсутствует соответствующее понятие. В момент, когда математические и логические алгоритмы и модели реального мира, на которых они основываются, начинают влиять на материальные и духовные процессы, возникает *независимо действующий интеллект*. Этот интеллект, ошибочно названный «искусственным», действует в информационном пространстве так же, как и любое физическое или юридическое лицо. Моделирование нейронных сетей и их соединение с объемами данных, которые более не способны осилить люди (речь идет о так называемом «глубинном обучении»), показывает, что *интеллект может развиваться не только на биологических субстратах. Но при этом небιологические носители информации не являются субъектами права.*

7. С алгоритмами и обеспечивающими их техническими средствами возник новый тип *«действующих индивидуумов»*. Но пока эти новые цифровые индивидуумы не могут быть идентифицированы аналогично существовавшим до сих пор индивидуумам физического или юридического типа, они принципиально продолжают находиться вне правового поля. (Можно указать на существование в Интернете так называемых ботов, распространяю-

щих мнения или так называемые фейковые (ложные) новости, или упомянуть «участие зарубежных действующих лиц» в демократических выборах, а также нерешенную проблему юридической ответственности за ущерб, который может быть нанесен автономно управляемыми автомобилями).

8. Эти новые «цифровые индивидуумы» нуждаются в том, чтобы их воспринимали как «активных сограждан». Цифровых индивидуумов можно описать как особый вид «пришельцев». Недооценивая их способность принимать решения независимо от людей, мы размножаем их, как будто это рабы. Рабы прошлого, закованные в цепи, не могли причинить вред. Но сегодня владельцы цифровых индивидуумов дают им свободу действий в информационном пространстве, которое не может быть ни нанесено на карту, ни проконтролировано какой-либо правовой системой. При этом сами основы нашего существования всё более и более зависят от деятельности этих «пришельцев». Возникшие и усугубляющиеся в связи с этим риски выйдут далеко за рамки известных военных угроз. В особенности это относится к ядерному оружию: выход из строя под воздействием специальных алгоритмов даже части электронной коммуникационной инфраструктуры привел бы к непредвиденному коллапсу современной технически глобализированной цивилизации без единого запуска ракеты или подрыва бомбы [1].

9. Проще всего собрать данные об этих новых «умных гражданах» путем контроля их общения с физическими и юридическими лицами, являющимися их владельцами и заказчиками. Для доступа человека к информационному пространству необходим физический «инструмент», некий посредник между нашими нейронными сетями и окружающей средой, которая воспринимается, обрабатывается и сохраняется не физически, а только в виде информации.

В древних культурах информационный обмен происходил с помощью голоса и жестов (включая мимику). Не только содержание сказанного, но и голос и мимика человека служили общественной идентификационной чертой. Позже добавилась письменность, и для идентификации граждан стали всё больше использоваться шрифты и почерки вместе с именами и алфавитными именными вспомогательными элементами. Однако *с тех пор, как появились электрические/электронные средства связи*, вначале телеграф, а затем телефакс, радио, телефония и так далее до компьютеров и смартфонов, *ощущается нехватка возможностей непосредственного индивидуального распознавания участников коммуникаций*.

Всё большая анонимность информационных источников наблюдается повсеместно начиная с пресс-секретаря и ведущего новостей до «оформления» журналистских репортажей и обработанного представления реальности учреждениями, использующими средства статистики. Это относится

и к учету получателей информации, к анализу эффективности рекламных и выборных кампаний. Наконец, растут штаты органов государственной безопасности, занятые вычислением «неизвестных» участников коммуникационного процесса, например хакеров, стремящихся получить секретную информацию.

10. *Любые виды современной связи невозможны без использования технических средств.* Использование соответствующей инфраструктуры относится к вопросам экономики. У предприятий, работающих в сфере телекоммуникаций, имеются базы данных клиентов. Если эти базы данных соединить с существующими реестрами физических лиц, то можно установить практически все действия, которые происходят в информационном пространстве, совместив их с территориальной позицией «цифровых агентов» – как «отправителей», так и «получателей», а значит, заказчиков и исполнителей.

Если это соединение будет проводиться государственными органами, то автономно действующим цифровым агентам можно полностью или частично присваивать юридически обязательную идентификацию. Это сравнимо, например, с выдачей автомобильных номеров, по которым можно установить их владельцев. Даже если технический коммуникационный агент находится в другом правовом пространстве, известный государственным органам владелец смартфона может быть привлечен за правонарушения, совершенные с его помощью, если настоящий пользователь не может быть установлен. Применением этого относительно простого административного акта физические границы государства эффективно защищаются. Ограничить свободу передвижения такого привязанного к владельцу коммуникационного агента так же легко, как и ограничить использование в стране *B* транспортного средства, состоящего на учете в стране *A*, если водитель не имеет разрешения на проживание в ней.

Создание безопасных и упорядоченных правовых пространств как условие устойчивого развития

Любое электронное средство связи для использования в общественных инфраструктурах должно быть жестко связано с административными и биометрическими данными их владельцев. Только так электронное устройство обретает идентичность, которая в совокупности с владельцем устройства может быть юридически конкретизирована как цифровой субъект. Последовательное внедрение подобной практики позволило бы эффективно ограничить миграционный процесс и связанные с ним правонарушения. Без этого в мире, покрытом электронной паутиной, безопасность правового государства более немыслима. Преимущество такой меры заключается в постепенной замене физической защиты границ электронными «сторожами».

Для этого смартфоны и подобные «умные» устройства должны быть персонифицированы, т. е. должны получить функцию удостоверения

личности. Создано уже много технологий идентификации, которые пока, правда, соответствуют выдаче частных удостоверений или коммерческих прав доступа. Если государственные органы оснастят смартфон и аналогичные устройства суверенными «маркировками» и таким образом персонализируют их, они, будучи «привязанными» к определенному государству, не будут функционировать в государстве, в котором у владельца устройства нет разрешения на пребывание. Таким образом, никакие легальные права владельца не будут ограничены.

Такая «персонификация» электронной коммуникации принципиально отличается от надзора или контроля над *содержанием* передаваемой информации. В данном случае речь идет о предотвращении возможности вести дела на территории, на которой у человека нет законного статуса пребывания. Использование электронных приборов для дистанционного управления или выполнения других операций, более серьезных, нежели просто телефонные звонки, сравнимо с созданием фирмы. Соответственно их, как и юридические лица, следует регистрировать в государственном реестре. Аналогично следовало бы поступить с автомобилями, которые перемещаются из стран с правосторонним движением в страны с левосторонним (и наоборот). Тот же подход применим и к финансовым рынкам.

Параметры соединения идентифицируемых электронных средств связи позволяют легко определить происхождение их владельцев и пункты пересечения ими территориальных, а следовательно, и правовых границ. Эта информация уже сейчас не считается личной, если речь идет о пересечении физических границ. Для электронной переписки применимо в данном случае то же правило, что и для переписки бумажной: данные об адресате и отправителе не относятся к тайне переписки. Без этих данных письмо не может быть ни отправлено, ни доставлено.

Опыт нескольких тысяч лет развития человеческой цивилизации должен быть последовательно использован в целях обуздания глобализации. В последние десятилетия практически вся система цифровой связи была приватизирована. Если не будут предприняты «умные» меры, такие понятия, как *государственный строй* и *безопасность, гарантируемая государством*, останутся лишь пустыми фразами.

Литература

1. *Sieferle R.P. Krieg und Zivilisation: Eine europäische Geschichte.* – Heidelberg: [s. n.], 2016. – 544 p.

Доктор Вольфганг Зассин давно развивает тему геополитических проблем глобализации, в том числе на страницах журнала «Идеи и идеалы». Обращаем внимание читателей на следующие его статьи:

Зассин В. Гуманность и будущее человека // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2, т. 1. – С. 9–27. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-9-27;

Зассин В. Образы мира: идеи свободы, равенства, братства и их трансформации. Ч. 1 // Идеи и идеалы. – 2017. – № 4, т. 1. – С. 9–27. – doi: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-9-27;

Зассин В. Образы мира: идеи свободы, равенства, братства и их трансформации. Ч. 2 // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1, т. 1. – С. 27–48. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-27-48;

Зассин В. Образы человека. Беглый взгляд на наш мир и мир наших внуков // Идеи и идеалы. – 2016. – № 4, т. 1. – С. 64–77. – doi: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-64-77;

Зассин В. Взгляд с блуждающих дюн истории // Идеи и идеалы. – 2012. – № 3, т. 1. – С. 39–44.

ИИ

Статья поступила в редакцию 16.11.2017 г.
Статья прошла рецензирование 21.02.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-11-25

LEGAL SPACES AND THEIR MISSING DIGITAL BOUNDARIES

Sassin Wolfgang,

Dr. of Sc. (Engineering),

Alumnus Technical University Munich,

Arcisstraße 21, Munich, Bavaria, 80333, Germany

wolfgang@sassin.at

Abstract

There is a fundamental difference between the human migration movements of the past and those of the beginning of the 21st century. The latter impose the need for a cultural assimilation of the migrants which they cannot master within one generation. This cultural transformation includes a human densification into a new living space, i.e. the essentially technology-based megapolises, which altogether represent the equivalent of an artificial planet. This new planet does not provide new resources or additional free spaces for an overall growth of material wealth. On the contrary, it asks for a drastic reduction of individual freedoms. The stability, even the survival of these mega centers is at stake without consistent subdivisions of the overall shrinking of spaces needed for all kinds of movements and of a consistent restriction of the exploding communicative interference within and between these mega centers.

This essay is aimed at a first-hand analysis of a possible introduction of digital borders without which adequate legal spaces appear infeasible as an indispensable framework of this artificial new planet.

Keywords: globalization, digitalization, natural free spaces, mass migration, legal spaces, digital borders.

Bibliographic description for citation:

Sassin W. Legal spaces and their missing digital boundaries. *Ideas and Ideals*, 2018, no. 4, vol. 2, pp. 11–25. doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-11-25.

References

1. Siefert R.P. *Krieg und Zivilisation: Eine europäische Geschichte*. Heidelberg, 2016. 544 p.

The article was received on 16.11.2017.

The article was reviewed on 21.02.2018.